ПОД СЕНЬЮ СУХАРЕВОЙ БАШНИ

В. Б. Муравьев

ПОД СЕНЬЮ СУХАРЕВОЙ БАШНИ

КУЧКОВО ПОЛЕ
Москва
2019

УДК 908(470-25)
ББК 70 (2-2Москва)
М91

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента
средств массовой информации и рекламы города Москвы

Рецензент

Фролов Александр Иванович —
кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой туризма
и культурного наследия РосНОУ, член Союза писателей России,
действительный член Национальной академии туризма

Муравьев, Владимир Брониславович

М91 Под сенью Сухаревой башни. — М.: Издательство «Кучково поле», 2019. — 496 с.: ил.

ISBN 978-5-907171-01-5

Книга старейшего москвоведа В. Б. Муравьева рассказывает об одной из удивительных, окутанных множеством легенд исторических местностей Москвы — Сухаревке и территориях, расположенных вблизи нее и связанных с ней многовековой историей, — Сретенке и Мещанской слободе. Особое внимание автор уделил Сухаревой башне, чей гордый силуэт более 200 лет украшал Первопрестольную. Память о ней сохраняется в градостроительной ситуации, сложившейся под ее воздействием, в былях и легендах, в московском коренном самосознании. Автор обращает особое внимание на изменение облика этого района в последние годы.

Книга адресована широкому кругу читателей, в первую очередь молодежи, и будет способствовать восстановлению национальной памяти и традиций, приобщению к богатому историческому прошлому столицы.

УДК 908(470-25)
ББК 70 (2-2Москва)

ISBN 978-5-907171-01-5

© Муравьев В. Б., 2019
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2019

ВСТУПЛЕНИЕ

Москву невозможно представить без Кремля с его златоглавыми соборами, Иваном Великим и краснокирпичными стенами, без Красной площади с храмом Василия Блаженного, без Большого театра и Третьяковской галереи… Это символы столицы России, составляющие ее узнаваемый в мире образ. В ряду таких достопримечательностей первого плана несомненно была бы и Сухарева башня, доживи она до наших дней. Два с лишним века горделивая каменная красавица осеняла Первопрестольный град, весомо присутствуя в его пейзаже, в повседневной жизни и сознании многих поколений — и не только москвичей.

Башня давно снесена, но она оставила по себе память — несносимую и неуничтожаемую, дав свое имя местности, на которой когда-то стояла. До сих пор москвичи говорят: «у Сухаревой башни», «возле Сухаревой башни», и всем сразу становится ясно, о каком месте Москвы идет речь. Память о ней сохраняется в градостроительной ситуации, сложившейся под ее воздействием, в былях и легендах, в московском коренном самосознании. И потому не умирает мечта, что эта память вновь облачится в камень, что Сухарева башня будет воссоздана. Она не стала бы банальным новоделом — ведь ее основанием могли бы послужить подлинные фундаменты, которые до сих пор покоятся под мостовой Садового кольца.

Столетиями на дороге из сердца Москвы к Троице, обители преподобного Сергия, могучей вехой возвышалась Сухарева башня, собирая под свою мистическую власть обширное пространство, насыщенное исторической памятью… Та часть дороги в Троице-Сергиеву лавру, что до Крестовской заставы, явно находится под сенью Сухаревой башни. Построенные в 1892 году на Крестовской

заставе две большие водонапорные башни своим обликом с первого взгляда вызывали в памяти Сухареву башню — и здесь кончалась территория ее мистической власти. Эти башни также были снесены, но думаю, в недалеком будущем настоящие москвичи опомнятся и восстановят и их, и Сухареву башню…

Примечательно, что эти края сыграли заметную роль в зарождении экскурсионно-просветительского дела в Москве, Еще в 1812 году замечательный педагог и москвовед Александр Феоктистович Родин провел первую экскурсию для учащихся народных школ как раз по маршруту от Сухаревой башни до ворот Крестовской заставы, увы, тоже не сохранившихся до наших дней и достойных восстановления.

Начинается же историческое пространство Сухаревой башни от порога Сретенки, там, где в перспективе этой исконно московской улицы над невысокими домами перед прохожими и проезжими вдруг возникал устремленный к небу островерхий силуэт. Представим его в своем воображении или взглянем на старинные фотографии, рисунки и картины и отправимся в наше путешествие…

«МИЛАЯ СРЕТЕНКА»

Москва, как и каждый большой исторический город, представляет собой конгломерат многих отдельных частей, существующих и развивающихся в разной степени самостоятельно и замкнуто. Раньше это были слободы, деревни и села (в состав Москвы доныне входят административные единицы, официально имеющие названия: поселок и деревня), урочища, усадьбы. В настоящее время в числе территориальных частей Москвы, кроме районов, есть и неофициальные, но тем не менее бесспорные единицы: улицы с переулками, отдельно улицы и отдельно переулки, отдельные дома (иногда со двором). Каждая из этих небольших территорий проходит свой исторический путь, со своими событиями, героями, преданиями и мифами. На фоне общей городской судьбы она имеет свою судьбу, и ее благополучные или плохие времена не всегда совпадают с общегородскими.

Поэтому пишутся книги и статьи об улице, переулке, доме, вызывающие обычно большой интерес у москвичей и, понятно, особенный — у жителей этого района.

Паустовский, сравнивая судьбы домов с людскими, писал: «История домов бывает подчас интереснее человеческой жизни. Дома долговечнее людей и бывают свидетелями нескольких людских поколений».

Сретенка принадлежит к числу самых известных московских улиц. Известностью своей у современных москвичей она в первую очередь обязана названию. Ю. Нагибин, рассказывая о Сретенке, пишет: «Ничего примечательного вы здесь не обнаружите, кроме церкви при выезде на Сухаревскую площадь. Церковь носит странное название Троицы в Листах». (Заметим, что даже в церкви автор отметил не ее архитектуру, а «странное название».) Менее категорично,

но, в общем, в том же тоне говорит о Сретенке москвовед Ю. А. Федосюк в путеводителе «Москва в кольце Садовых", изданном в 1983 году: «Описывать биографию сретенских домов — дело трудное и неблагодарное. Стены многих из них стоят еще с XVIII века, постройки обновлялись и видоизменялись в зависимости от возможностей и вкусов часто менявшихся владельцев... К тому же ценных памятников архитектуры тут немного».

Итак, застройка Сретенки — типичная, употребляя термин историка архитектуры, — рядовая застройка. Имена часто менявшихся владельцев домов и еще чаще менявшихся жильцов весьма скупо отразились в документах. «Я пытался выяснить, кто из знаменитостей жил на улицах, о которых идет рассказ, — пишет Нагибин, говоря о Большой Лубянке и Сретенке. — Урожай оказался на редкость скуден». Он называет всего три имени: художника Пукирева, скульптора Волнухина и актера Мочалова, жене которого принадлежал дом № 16 по Сретенке.

Как в жизни человека бывает свой «звездный час» — событие, в котором особенно ярко и полно раскрывается его характер или талант, так бывает «звездный час» в истории улицы, когда она обретает свой оригинальный, гармоничный, сочетающий внешние черты и внутреннее содержание образ.

Сретенка обрела свой по-московски своеобразный и совершенный вид в первое десятилетие XX века.

Первыми и единственными тогда его заметили фотографы: среди многочисленных серий открыток, изображающих московские пейзажи, появились и открытки Сретенки, которых прежде не издавали. Издатели открыток, словно сомневаясь в праве этого сюжета занять место в серии московских пейзажей наряду с Тверской и Пречистенкой, в первых изданиях в подписи к открытке указывали не название улицы, а деталь пейзажа — признанную достопримечательность города: «Вид Сухаревой башни». Но вскоре на том же самом сюжете, снятом с той же точки, можно было прочесть его точное и правильное название: «*Сретенка*».

Чтобы сложившийся и наполненный глубоким содержанием городской образ был замечен, осознан, принят и по достоинству оценен горожанами и в литературе, требуется долгий срок. Понимание и признание приходят после того, как он пройдет проверку временем и станет восприниматься традиционным.

Так образ «арбатских переулков» — как символ дворянской пушкинской Москвы — был принят обществом и отразился в литературе лишь в конце XIX — начале XX века.

Для Сретенки это время наступило уже после того, как ей по распоряжениям горе-отцов города и действиями горе-архитекторов был нанесен значительный урон: разрушены здания, формировавшие внешний вид района, — церкви, Сухарева башня; многие дома доведены чуть ли не до руин, в сложившуюся застройку втиснуты здания, чуждые общему стилю улицы. Кроме того, судьбу Сретенки весьма усугубили явно желавшие услужить начальству историки и публицисты, пересказывая на разные лады очерки Гиляровского и представляя ее клоакой и трущобой, которой не место в социалистической Москве.

Общие усилия этих трех сил были направлены на то, чтобы сформировать у москвичей совершенно определенное отрицательное и пренебрежительное представление о Сретенке и подготовить общественное мнение к ее уничтожению. Популярный путеводитель по Москве, выпущенный в 1937–1940 годах тремя изданиями, говоря о Сретенке, ограничился одним абзацем — безапелляционным приговором старинной улице: «Короткая и узкая Сретенка, соединяющая Сретенские ворота с Колхозной площадью, не представляет для осмотра особого интереса. По Генеральному плану реконструкции Москвы Сретенка явится частью радиальной магистрали, соединяющей центр города с Ярославским шоссе. При реконструкции Сретенка будет расширена до 42 м, главным образом за счет сноса левой ее стороны, на которой крупные здания встречаются как исключение, и выпрямлена». И всё — ни слова ни об одном конкретном здании, ни одного упоминания о замечательных людях, здесь живших, ни одного исторического факта — одним словом — «чтобы и имени не сохранилось»... (Попытки заменить ее «божественное» название на «советское» предпринимались вплоть до начала 1960-х годов, и каждый раз что-то мешало осуществить переименование.) К счастью, не все варварские планы «реконструкции» Москвы были осуществлены: Сретенка осталась не «расширенной» и не «выпрямленной».

А тут — в 1970–1980-е годы — наступило время признания Сретенки: глаза москвичей открылись на нее. Как и в случае с арбатскими переулками, когда в 1906 году И. А. Бунин написал:

Здесь, в старых переулках за Арбатом,
Совсем особый город.

О Сретенке заговорили литераторы. Появились очерки Н. М. Молевой о Сретенском холме, в которых она бросила горький упрек москвоведам: «Район обойден вниманием путеводителей и краеведческой литературы, предпочитающей одни и те же богатые библиографией уголки города (какое сравнение для автора: день в библиотеке или месяцы и годы в архивах!). Отсюда невольный вопрос: не пишем потому, что не о чем писать, или — не пишем потому, что не располагаем необходимыми знаниями?» (В своих работах Нина Михайловна приводит множество фактов и известных фамилий, преодолевая пустоту популярных путеводителей, но при этом ясно давая понять, что это — лишь малая часть того, что еще предстоит открыть и ввести в информационный оборот.)

Идя более от эмоций, чем от знаний, образ Сретенки — точный, привлекательный и справедливый — рисует писатель-беллетрист Юрий Нагибин. Отдавая дань многолетнему негативному отношению к Сретенке, он сначала, словно бы извиняясь, повторяет старые оговорки, мол, она «особой казистостью никогда не отличалась», но затем говорит *от себя*, высказывает *свое* мнение:

«Но признаться, я люблю эту Сретенку, сохранившую, как никакая другая улица, обличье старой Москвы. И чем так привлекательны низенькие, лишенные всяких украшений домишки? Конечно, веем старины, но есть в них и соразмерность, архитектурная грамотность, соответствующие своему жизненному предназначению. Те, для кого они строились, не обладали крупным достатком, они требовали от жилища лишь надежности, удобства и уюта для серьезного и спокойного существования».

Прозвучало имя Сретенки и в одной песне Булата Окудажавы:

На Сретенке ночной
Надежды голос слышен.

В журналистских газетных очерках упоминания Сретенки обрели новый эпитет: «*милая Сретенка*».

А затем и в работах ученых — историков Москвы, искусствоведов, историков архитектуры появились утверждения и доказательства уникальности района Сретенки.

Вот цитата из опубликованного в 1984 году очерка «Сретенский холм» архитектора В. А. Резвина:

«Трудно словами передать все своеобразие этого уголка старой Москвы, где чисто московская пестрота архитектуры так прекрасно обогащается выразительнейшим рельефом, подобного которому нет ни в одном другом районе центра. И все же читатель вправе задать вопрос: а что, собственно говоря, особенного на Сретенском холме? Что тут беречь и охранять? Ведь нет здесь барских особняков с парадными портиками, как на Кропоткинской, или древних боярских палат, как в Харитоньевском. Действительно, отдельных официально зарегистрированных памятников архитектуры тут не найти. Но есть нечто не менее ценное, утрата которого практически невосполнима. В этом районе почти без изменений сохранились древняя планировочная структура и характерная застройка, восходящие в основе еще к XVII столетию. Он чудом уцелел во время пожара 1812 г. и, безусловно, должен быть сохранен. Застройка этого старинного района столичного центра многоэтажными домами неизбежно приведет к потере градостроительного масштаба и полному изменению архитектурного облика».

О домах по Сретенке, об ее «рядовой» застройке В. А. Резвин пишет, что «в них сконцентрированы многие типичные черты московского зодчества». Он призывает обратить внимание на их своеобразную красоту и разнообразие. А еще он отмечает издавна ценимые москвичами виды города: «Достопримечательностью района являются панорамы, которые еще можно сегодня увидеть из глубины некоторых переулков».

«Совершенно особый, никем не исследованный мир — сретенские дворы, — пишет В. А. Резвин. — Эти небольшие, перетекающие друг в друга и в переулки пространства (или, говоря проще, проходные дворы. — *В. М.*) не похожи одно на другое. Но, побывав тут два-три раза, можно запомнить в каждом свой ориентир; огромный тополь, закрывающий полнеба, узорный козырек над покосившимся крыльцом, невысокую полуобвалившуюся подпорную стенку, вполне современную рекламу или вывеску учреждения».

ПРЕДЫСТОРИЯ СУХАРЕВОЙ БАШНИ

Сухарева башня требует к себе особого подхода, нежели какой-либо другой архитектурный памятник, и поэтому ее история приобретает такие черты, которые для обычного исторического сочинения, мягко говоря, не характерны, но в данном случае закономерны и неизбежны.

Прежде всего обратим внимание читателя на то, что Сухарева башня — не просто архитектурный памятник национального и мирового значения, но — что еще важнее — заветная народная легенда и заветный народный символ.

Ни об одном московском здании не существует столько преданий, народных сказов, быличек (этот жанр фольклора В. И. Даль определяет так: «иногда вымысел, но сбыточный, несказочный»), легенд, устойчивых слухов, сколько о Сухаревой башне.

Во всех, к сожалению, очень немногочисленных, исторических работах о Сухаревой башне, изданных в XIX и XX веках, обязательно поднимается вопрос о фольклорных и легендарных источниках ее истории.

Автор первой монографической работы о Сухаревой башне «Сухарева башня в Москве» (1862 г., до этого в газете и сборнике — 1842, 1846 гг.) профессор Московского университета, историк, археолог, филолог Иван Михайлович Снегирев писал: «С историею Сухаревой башни соединено много любопытных и важных воспоминаний, много чудесных преданий», замечая при этом: «Они составляют внутреннюю жизнь этого памятника». Он пересказывает в своем очерке уже известные в литературе легенды (называя их преданиями) о колдуне Брюсе и другие и в то же время помещает новые, лично им услышанные от старожилов.

Следующая работа о Сухаревой башне под таким же названием, как и у Снегирева, «Сухарева башня в Москве. Исторический очерк» была издана в 1913 году Московской городской управой. Ее автор И. И. Фомин — ученый-архивист, служащий Архива Московского городского управления, в предисловии пишет, что очерк написан «в связи с вопросом о реставрации Сухаревой башни и целесообразном использовании ее помещений». Хотя автор в том же предисловии предупреждает, что в своем труде он «обращает преимущественное внимание» на технические проблемы, но, несмотря на это, приводит в нем легендарное свидетельство о Петре I как о вероятном архитекторе башни.

Выдающийся москвовед, доктор исторических наук Петр Васильевич Сытин свою книгу «Сухарева башня» (1926 г.) снабдил весьма знаменательным подзаголовком «Народные легенды о башне, ее история, реставрация и современное состояние», явно подразумевая, что в данном случае документ и предание как исторические источники имеют равное значение.

Автор одной из работ о Сухаревой башне «Сухарева башня. Исторический памятник и проблема его воссоздания» (1997 г.) научный сотрудник Института истории естествознания и техники Георгий Михайлович Щербо, несмотря на специальную задачу, определенную названием книги, заявлял в ней, что не может ограничиться одной строительно-технической стороной темы. «Оценить такое насыщенное “историческим дыханием” сооружение, как Сухарева башня, — писал он, — невозможно без учета человеческого фактора. История башни тесно связана с жизнью и деятельностью многих людей разных сословий и происхождения, и судеб. Но у нас нет возможности сосредоточивать внимание на многочисленных народных легендах, которыми на протяжении долгого времени обрастала история этого здания и жизнь его обитателей». Впрочем, он все-таки упоминает в книге не только о людях, но и о народных легендах.

Иван Михайлович Снегирев, беззаветно любивший Москву и, по единодушным отзывам современников, знавший ее историю и памятники как никто другой, был первым и единственным исследователем Сухаревой башни, почувствовавшим ее одухотворенность и сказавшим не только об исторических годах и событиях, протекших над нею, но и о внутренней жизни «сего памятника».

Для пояснения хода мысли Снегирева и выявления более четкого терминологического смысла его суждений стоит сопоставить его слова с известным высказыванием М. Ю. Лермонтова из сочинения «Панорама Москвы»:

«Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча, — пишет Лермонтов, — Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый камень хранит надпись, для толпы непонятную, по богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!..»

Лермонтов написал это за 12 лет до очерка Снегирева. Но «Панорама Москвы» была опубликована только в 1891 в году, поэтому Снегирев не мог ее знать. Однако общность ощущения Москвы двумя москвичами — юным поэтом и маститым ученым (кстати, профессором латинского языка и римских древностей) — несомненна.

И не случайно общая народная молва отметила, что задолго до того, как была построена Сухарева башня, место, на котором она стоит, уже было связано с дорогим для народного сознания именем.

Из предания, передававшегося в слободах окрест Сухаревой башни из поколения в поколение, всем их жителям было известно, что в давние времена, в княжение великого князя Московского Дмитрия Ивановича, по прозванию Донской, святой преподобный игумен Сергий Радонежский, идучи из своего Троицкого монастыря в стольный град Москву, всегда останавливался на отдых как раз на том месте, где стоит башня. Тогда здесь был лес, а до города, находившегося на Боровицком холме над Москвой-рекой, оставалось еще около трех верст. Преподобный сидел-отдыхал под елью, прислонив к дереву посошок, и творил святую молитву.

В память об этом на Сухаревой башне был установлен образ Сергия. Преподобный был также изображен и на полковом знамени стрельцов, охранявших башню. Пушкари, а основным вооружением были пушки, особенно чтили Сергия — он считался покровителем российской артиллерии.

Сергий Радонежский — духовный вождь в борьбе русского народа за освобождение от татарского ига, благословивший Дмитрия Донского на Куликовскую битву, был, — и остается одним из самых почитаемых на Руси святых.

Василий Осипович Ключевский в 1892 году в юбилейные торжества в ознаменование 500-летия кончины Сергия Радонежского и по поводу многотысячного пешего крестного хода из Москвы в Троице-Сергиеву лавру произнес

Сергий Радонежский.
Икона XVI века (?)

свою знаменитую речь «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства».

В ней историк говорил, что в течение пяти веков идут к Сергию с мольбами и вопросами русские люди, среди которых были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, «на селе живущие», и что и ныне (речь идет о конце XIX века) не иссяк и не изменился по составу поток приходящих к его гробу. Духовное непреходящее влияние имени и заветов Сергия на многие поколения Ключевский объясняет тем, что «Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смертной, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч... При имени преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственнее возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной».

Сухарева башня со своего основания пребывала с именем святого Сергия Радонежского и под его образом.

Как и все исторические средневековые города, Москву для защиты от нападения врагов окружали крепостные стены.

Сначала, когда город умещался на Боровицком холме, его защищала Кремлевская стена. Затем, по мере роста города и превращения пригородных слобод и сел в городские улицы, были построены новые линии крепостных стен: в XVI веке — Китайгородская стена вокруг прилегающего к Кремлю района, и сейчас называющегося Китай-городом; еще полвека спустя по сегодняшнему Бульварному кольцу встала стена Белого города.

К концу XVI века московский посад разросся и распространился настолько, что, выйдя за пределы Белого города, подошел как раз к той границе, по которой проходит нынешнее Садовое кольцо.

Весной 1591 года в Москве было получено известие о том, что крымский хан Казы-Гирей собирает войско к походу на Русь. Царь Федор Иоаннович повелел укрепить стольный град.

В 1591 году врагам не удалось прорваться к городу: после жестокого сражения на подступах к Замосковречью Казы-Гирей отступил от Москвы. Русское войско преследовало крымцев до Тулы и захватило много пленных. Но нападение татар показало, что существует реальная опасность для города и необходима четвертая линия обороны. «По отходе же Крымского Царя, — сообщает летопись, — чающе его впредь к Москве приходу, повеле Государь кругом Москвы, около всех посадов поставить град древяной», то есть основательную, настоящую крепостную стену.

Строительство укреплений вокруг Москвы при нависшей над городом опасности шло очень быстро: ставились надолбы, тыны, частоколы, устраивались завалы, рылись рвы и насыпались валы.

Современники называли эти укрепления *Скородомом*, так как они были *скоро* задуманы и *скоро* поставлены.

На следующий год строительство было закончено. Вставшая вокруг посадов крепостная стена представляла собой внушительное сооружение: она имела 50 башен, в том числе 34 проездных, по внешней стороне стены был вырыт широкий и глубокий ров. ««Ограда сия, — описывает ее находившийся в Москве в первые годы XVII века польский офицер С. Маскевич, — имела множество ворот, между ними по 2 и по 3 башни, на каждой башне и на воротах стояло по 4 и по 6 орудий, кроме полевых пушек, коих там так много, что и перечесть трудно. Вся ограда была из теса, башни и ворота весьма красивые, как видно,

«Петров чертеж», или «Годуновский план» Москвы. 1597. Оригинал был составлен приказными дьяками по поручению Бориса Годунова. Это первый план Москвы, зафиксировавший панораму застройки города конца XVI века

стоили трудов и времени». Новая стена получила название Деревянный город.

На так называемом Петровом плане Москвы (он был найден в архиве Петра I), сделанном в 1597–1599 годах, хорошо видны башни и стены Деревянного города.

Проездные башни, или, как их называли в Москве, ворота, ставились там, где к стене подходили дороги, и получили свое название по той дороге, которая проходила через них, или по городской улице, которая к ним вела.

Старинная дорога на Владимир, Суздаль, Ярославль и другие северо-восточные земли к тому времени на территории города давно уже стала улицей и называлась Сретенкой, и поэтому башня Деревянного города на Владимирской дороге получила название Сретенские ворота.

Изображение Сретенских ворот на Петровском плане дает полное представление об их внешнем виде. Ворота имеют два проезда, над проездами видны бойницы, завершается башня тремя боевыми и одновременно наблюдательными площадками, покрытыми шатровыми крышами.

С внешней стороны стены через ров к башне перекинут бревенчатый мост.

В Смуту начала XVII века, когда в Москве находились польско-литовские войска и русское ополчение в жестоких боях выбивало врага из города, стены и башни Деревянного города были сожжены интервентами.

После того как Деревянный город стал границей города, церемониальные государственные встречи стали проходить у его ворот.

Особенно знаменательными в истории страны стали две встречи у Сретенских ворот.

Первая состоялась 18 июля 1605 года. Тогда москвичи встречали за Сретенскими воротами Деревянного города прибытие инокини Марфы — последней жены Ивана Грозного, матери царевича Дмитрия.

В Москве уже царствовал Лжедмитрий, и ему было необходимо, чтобы Марфа признала его своим сыном. Их встреча произошла у села Тайнинское. Главное же действо развивалось при въезде в Москву. Царица ехала в открытой карете, Лжедмитрий с обнаженной головой шел рядом с каретой, царственные мать и сын, как описывает современник, выражали радость встречи, и, видя это, растроганный народ «вопил и плакал».

Для народа это было время надежд — страна наконец-то обрела законного доброго, как надеялись, царя. Тогда почти все поверили, что Дмитрий действительно чудесно спасшийся царский сын, поверили и материнскому слову. До сих пор эта вера жива, и даже некоторые ученые историки разделяют ее.

2 мая 1613 года, в воскресный день, там же освобожденная от польских оккупантов Москва встречала избранного Земским собором и потому законного царя Михаила Романова. В находящейся в Оружейной палате рукописной книге XVII века «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова», проиллюстрированной большим количеством миниатюр, среди прочих сюжетов изображена и эта встреча. От самых стен, вдоль дороги с одной стороны выстроены стрелецкие полки с распущенными цветными знаменами, с другой стороны — густая толпа бородатых почтенных купцов, а вокруг юного царя — священство с иконами, бояре.

Но так как книга «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова» была написана в середине XVII века, то стены и ворота Деревянного города на этой иллюстрации не соответствуют времени изображенной встречи, они представляют их состояние на время создания книги.

Лишь два десятилетия спустя после сожжения поляками, в 1630-е годы кольцо оборонительных укреплений Москвы по линии Деревянного города было полностью восстановлено и усилено. Теперь были возведены укрепления в виде земляного вала со рвом перед ним и за ним. Архидиакон Павел Алеппский — секретарь патриарха Антиохийского Макария так описывает его:

«Что касается великого Земляного вала (Скородома), похожего на огромные холмы и имеющего рвы снутри и снаружи, то он окаймляет всю городскую стену, и между ним и ею заключается большое пространство... Окружность его 30 верст, он неприступнее всех каменных и кирпичных стен, да и железных, ибо против них непременно найдется какое-нибудь средство: мина, разрушение, падение, а земляной вал ничем не возьмешь, потому что пушечные ядра в него зарываются». Павел Алеппский называет вал по-старому Скородомом, но к концу XVII века укоренилось название Земляной вал, или Земляной город. Земляным городом стал называться и район Москвы между стеной Белого города и валом.

Высокий земляной вал и рвы были основной частью новой оборонительной линии, но по нему, как и прежде, был построен деревянный «острог», то есть крепостные стены и башни. Проездные башни нового острога были выше и мощнее прежних, так как они стояли не на валу, а на материке, и вал примыкал к ним вплотную. С вала был вход на верхний ярус башни, где стояли пушки.

щади начала 1930-х годов запечатлены большие ухоженные цветочные партеры. — *В. М.*)

Музей пользовался большим успехом у москвичей, и в нем всегда было много посетителей. Огромный материал, собранный музеем, позволял устраивать регулярные выставки, велась научная работа. Одна из комнат, как и предполагалось, была отведена под экспозицию по истории Сухаревой башни.

В истории знаменитой башни было еще много загадок, которые предстояло разгадать, чему могло помочь изучение самой башни. В декабре 1925 года члены Комиссии «Старая Москва» — археолог, посвятивший всю жизнь поискам библиотеки Ивана Грозного, знаток подземной Москвы И. Я. Стеллецкий, архитектор Н. Д. Виноградов и краевед О. И. Пенчко — обследовали подземелья Сухаревой башни и обнаружили пять замурованных подземных ходов. На очередном заседании Комиссии постановили: «Обратиться в МКХ, чтобы оно дало возможность продолжить работы по исследованию этих ходов». Были высказаны соображения, что они ведут к дому Я. В. Брюса на 1-й Мещанской.

ЛЕГЕНДЫ СУХАРЕВОЙ БАШНИ

Образ Сухаревой башни, который был известен всей России и воспоминания о котором живы до сих пор, складывался в народном сознании как под воздействием реальных исторических фактов, так и легенд, возникавших вокруг нее с самых первых лет ее существования. Может быть, именно легенды сыграли в широкой известности башни и в создании ее образа даже более значительную роль, чем факты.

Недаром П. В. Сытин, в своих исследованиях отдающий предпочтение факту и документу, в подзаголовке книги 1926 года «Сухарева башня», раскрывающем содержание и построение труда, все же написал: «Народные легенды о башне, ее история, реставрация и современное состояние», поставив легенды на первое место.

Это органическое единство легендарного и документально-исторического в образе Сухаревой башни мы видим и в стихотворении Михаила Александровича Дмитриева, посвященном ей и написанном за 80 лет до труда П. В. Сытина.

М. А. Дмитриев — поэт пушкинского времени, хороший знакомый А. С. Пушкина. Пушкин, желая объединения близких ему литераторов, сказал: «Я бы согласился видеть Дмитриева в заглавии нашей кучки».

Почти всю жизнь Дмитриев прожил в Москве, «с издетства мною любимой», как признавался он в одном из стихотворений. Москве он посвятил сборник «Московские элегии», ему принадлежит знаменитая афористическая строка о московских улицах, которую уже полтора века часто цитируют в статьях и очерках по истории столицы:

«Улицы узки у нас; широка у нас летопись улиц!»

Стихотворение Дмитриева «Сухарева башня» было написано в 1840-е годы в преддверии 700-летнего юбилея Москвы, одним из инициаторов празднования которого он тогда выступал.

СУХАРЕВА БАШНЯ

Что за чу́дная, право, — эта зеленая башня!
Высока и тонка, а под ней, как подножье, огромный
Дом в три жилья, и примкнулось к нему, на откосе, под крышей,
Длинное сбоку крыльцо, как у птицы крыло на отлете!
Кажется, им вот сейчас и взмахнет! — Да нет! тяжеленька!

Сухарев строил ту башню, полковник стрелецкой! — Во время
Бунта стрельцов на юных царей Петра с Иоанном,
Верен с своим он полком двум братьям-царям оставался.
Именем верного, в память ему, Петр и прозвал ту башню;
Старая подпись о том возвещает доныне потомству.

Старый народ, как младенец, любит чудесные сказки!
Тут, говорят старики, жил колдун-чернокнижник; доныне
Целы все черные книги его, но закладены в стену!
Добрые люди, не верьте! — Тут прадеды ваши учились,
Как по морскому пути громоносные править громады!

Тот же народ простодушный любит веселую шутку!
Есть у него поговорка, что будто Иван наш Великой
Хочет жениться, и слышно, берет за себя он ту башню!
Дети в народе простом, не привыкши умом иноземным
Острые шутки ловить, не натешатся выдумкой этой!

Ныне, когда о народной нужде промышляет наука,
В этой башне у нас водоем, как озеро в рамках!
Чистой воды, как хрусталь, бьют ключи, заключенные в трубы;
Их издалёка ведет под землею рука человека,
Литься заставя на пользу, скакать в высоту на потеху!

30 июля 1845

В этом стихотворении отмечены главные факты истории Сухаревой башни и самые известные легенды.

Факты и документы изображают внешний, материальный облик образа башни. Легенды говорят о внутреннем содержании образа, духовной жизни Сухаревой башни, смысле и связях ее судьбы с судьбой Москвы и России. Умеющий слушать да услышит, о чем она хочет поведать такому слушателю.

Самые ранние легенды Сухаревой башни рассказывают о знаменитом сподвижнике Петра I графе Якове Вилимовиче Брюсе.

Все, что происходило в Сухаревой башне за ее толстыми стенами и всегда закрытыми дверями в петровские времена, когда там собиралось «Нептуново общество», было тайной для любознательных окрестных обывателей. Но коечто все же просачивалось в народ, подхватывалось молвой, перетолковывалось, дополнялось догадками и домыслами. Иногда рассказчик, уверовав в собственную фантазию, начинал утверждать, что сам был очевидцем странных и чудесных явлений.

Граф Брюс в легендах предстает колдуном, чернокнижником, волшебником и в то же время замечательным ученым, изобретателем, умным, благородным и смелым человеком, не боящимся возражать самому царю. Надобно отметить, что народные легенды изображают Брюса с большой симпатией.

Созданные в начале XVIII века легенды о Брюсе, как каждое произведение фольклора, в пересказах последующими поколениями рассказчиков дополнялись, перерабатывались, по-новому осмыслялись. Они прошли и выдержали испытание временем. Достаточно широко эти легенды оставались распространены в Москве в XIX и XX веках, и даже до сих пор их помнят и рассказывают, причем они обретают новые детали, говорящие о живой связи их проблем с современными.

Легенда правдива и достоверна по-своему, ее правда по природе своей та же, что и правда художественного произведения. Легенда не дает фотографического воспроизведения действительности, но помогает понять ее суть и смысл, то вечное, что сохраняет в нашей жизни веками и заставляет человека волноваться и привлекает читателя и в древнем эпосе, и в современном романе.

В 1920-е годы краевед-фольклорист Е. З. Баранов записал бытовавшие среди московского простого люда легенды о Брюсе и Сухаревой башне. Особая ценность его записей заключается в том, что если все предыдущие литературные сведения об этих легендах ограничивались лишь сообщением об их темах и сюжетах, то Баранов записывал полный текст рассказа, слово за словом. При некоторых записях Баранова есть указание, от кого и где она была сделана: «рассказывал рабочий-штукатур Егор Степанович Пахомов», «рассказывал ... маляр Василий, фамилия его мне неизвестна; рассказ происходил в чайной “Низок” на Арбатской площади, за общим столом», «рассказывал в чайной неизвестный мне старик-рабочий», «...уличный торговец яблоками Павел Иванович Кузнецов», «...старик печник Егор Алексеевич, фамилию не знаю», «записано ... от ломового извозчика Ивана Антоновича Калины».

Далее приводятся некоторые московские легенды о Брюсе не в форме научной фольклорной записи, а в литературном пересказе по материалам Е. З. Баранова. В своем пересказе автор ставил перед собой задачу сохранить смысл и стилистическое своеобразие оригиналов.

Сухарев и Брюс

Был этот Брюс самый умный человек: весь свет исходи — умней не найдешь.

Жил он в Сухаревой башне. Положим, не вполне жил, а была у него там мастерская, и работал он в ней больше по ночам. Тут он держал свои книги и бумаги. И какого только инструмента не было в этой мастерской! И подзорные трубы, и циркуля разные. Снадобий всяких — пропасть: настойки, капли, мази в банках, в бутылках, в пузырьках. Это не то что у докторов: несчастная хина да нашатырный спирт, а тут змеиный яд, спирты разные! Да всего и не перечесть! И хотел Брюс наукой постигнуть все на свете: что на земле, что под землей и что в небе — хотел узнать премудрость природы.

А башню эту Сухарев построил. Вот по этому самому и называется она Сухарева башня. А Сухарев этот был купец богатый, мукой торговал. Ну, еще и другие лавки-магазины были, бакалея, там, булочная, колониальные товары. Одно слово — богач, и тоже парень неглупый был, тоже по науке проходил. Ну, до Брюса ему далеко, и десятой части Брюсовой науки не знал. Он, может, и узнал бы, да торговля мешала.

— Ну, хорошо, — говорит, — положим, ударюсь я в науку, а кто же за делом смотреть станет? На приказчиков положиться нельзя: все растащат, разворуют. А тут еще баба-жена да ребятишки. А при бабе какая наука может быть? Ты, примерно, книгу раскрыл и хочешь узнать чего-нибудь по науке, а тут жена и застрекочет сорокой: то-се, пятое-десятое...

И вот Сухарев думал-думал, как быть? И по науке человеку лестно пойти, да и нищим остаться не хочется. Видит, не с руки ему наука, взял да и построил башню, а потом говорит Брюсу:

— Ты, Брюс, живи в этой башне, доходи до всего. А чего, — говорит, — понадобится, скажи — дам.

А чего Брюсу понадобится? Чего нет — сам сделает, на все руки мастер был.

Царь Брюсу говорит, сердится:

— И чего ты все мудришь? Чего выдумываешь? Забился в свою башню и сидишь, как филин. Вот прикажу подложить под башню двадцать бочонков пороху и взорву тебя. И полетишь ты к чертям.

— Если называешь меня филином, то и буду филином, — отвечает ему Брюс. Тут обернулся он филином да как закричит: — Пу-гу-у!

Царь испугался — и бежать.

— Здесь, — говорит, — и до греха недалеко.

Не любил царь Брюса, а тронуть боялся. А не любил вот почему: он хоть и царь был, а по науке ничего не знал. Ну, а народ все больше Брюса ободрял за его волшебство.

Служанка Брюса

Уж такие удивительные вещи мог Брюс делать по своей науке! Однажды он сделал себе служанку из цветов. Ну, прямо как настоящая девушка была: по дому, по двору ходила, комнаты убирала, кофей подавала, вот только говорить не могла.

Приходит раз к Брюсу Петр Великий, увидел ее и говорит:

— Хорошая у тебя служанка, только почему она молчит? Немая что ли?

— Да ведь она не от матери рожденная, я сделал ее из цветов, — отвечает Брюс.

Не поверил царь:

— Полно тебе выдумывать, мыслимое ли это дело!

— Ну, смотри, — сказал Брюс, вынул из головы девушки булавку, и служанка рассыпалась цветами.

— Как же ты смог такую девку сделать? — спрашивает Петр Великий.

— По науке, — отвечает Брюс, — по книгам, вот посмотри книги мои.

Посмотрел царь книги, видит — книги ученые, но не поверил ему.

— Без волшебства, — говорит, — тут не обошлось.

С этой девушкой еще были разные случаи.

Жена Брюса приревновала к ней мужа, стала его попрекать, что он любовницу завел.

Другой раз увидел девушку граф и сразу в нее влюбился, настолько она была красавица, а что немая, решил, что можно и с немой жить.

— Выдай за меня замуж свою девицу, — просит граф Брюса.

— Она же ненастоящая, — говорит Брюс.

А граф не верит, пристал, как банный лист к спине.

— Отдай, — говорит, — не то жизни себя лишу и записку оставлю, что это ты меня до точки довел.

Вынул Брюс из головы девушки булавку, рассыпалась она цветами. Граф огорчился, обозвал Брюса обманщиком и после этого к нему ни ногой.

Люди, что жили по соседству с домом Брюса Якова Вилимовича, называли эту служанку «Яшкина девка».

Брюс и купцы

Московское купечество невзлюбило Брюса за то, что он устраивал на них испытания натуры.

Дело было так. Сидит купец в своей лавке, торгует, у него на уме покупателя общипать, и вдруг видит купец — лезет на него огромаднейший каркадил. Купец с испугу не своим голосом орет: «Караул, пропадаю!» Люди сбегутся, спрашивают: «Что случилось?» Он им про каркадила говорит, а люди смо-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимов А., Опарин Д. Истории московских домов, рассказанные их жителями. М., 2016.

Богатырев П. Г. Воспоминания // Московская старина: воспоминания москвичей прошлого столетия. Под ред. Ю. Н. Александрова. М., 1989.

Бурышкин П. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991.

Бусева-Давыдова И. Л. и др. Москва: Архитектурный путеводитель. М., 1997.

Вистенгоф Пётр Ф., Вистенгоф Павел Ф. Очерки московской жизни; Из моих воспоминаний. Андрей Николаевич Карамзин. М., 2007.

Вяземский П. А. Полн. собр. соч. В 12 т. СПб., 1881.

Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 2008.

Глезер Л. А. Записки букиниста. М., 1989.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.

Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1905.

Историческое известие о всех церквах столичного города Москвы... / изд. Льва Максимовича. М., 1796.

Очерки московской жизни / Сост. Б. С. Земенков. М., 1962.

Паламарчук П. Г. Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов в 4-х томах. М., 1992–1995.

По Москве [Текст]: прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям / Под ред. Н. А. Гейнике [и др.]. М., 1917.

Поляков Н. Московские базары // Очерки московской жизни / Сост. Б. С. Земенков. М., 1962.

Пыляев М. Старая Москва. М., 1995.

Рачинский Я. З. Полный словарь названий московских улиц. М., 2011.

Романюк С. К. Из истории московских переулков. М., 1997.

Романюк С. Москва. Утраты: О разрушениях архитектурных памятников в Москве после 1917 г. М., 1992.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991.

Рубан В. Г. Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе звание Государственных Ворот, казенных и деревянных Мостов, больших Улиц и Переулков, Монастырей, Церквей, Дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских Дворов и Покоев, Рядов и Рынков, Фабрик, Заводов и прочая. Собранное и изданное в свет для удовольствия общества Издателем Описания Санкт-Петербурга, г. н[адворным] с[оветником] В. Г. Рубаном. СПб., 1782.

Сатыренко А., Гуржий Т. Легенды и мифы Москвы. М., 2009.

Семейная хроника. Записки А. В. Кочубея. 1790–1873. СПб., 1890.

Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV — середины XVIII века. М., 2007.

Снегирёв И. М. Сухарева башня в Москве: С видом башни и портретом графа Якова Брюса. М, 1862.

Советская историческая энциклопедия. М., 1965.

Сорокин В. По Москве исторической. М., 2006.

Сытин П. В. Из истории московских улиц. Очерки. М., 1958.

Сытин П. Сухарева башня (1692–1926) : Народные легенды о башне, ее история, реставрация и современное состояние. М., 1993.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957.

Указатель улиц и домов столичного города Москвы с пояснением сведений исторического происхождения наименования улиц, площадей и других мест... с историческим описанием всех церквей города. М., 1882.

Федосюк Ю. Москва в кольце Садовых, М., 2009.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. СПб., 1890–1907.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление 5

«Милая Сретенка» 7

Сухаревская площадь 93

Предыстория Сухаревой башни 114

Постройка Сухаревой башни 126

Навигацкая школа 142

«Имя Петра начертано на ее мшистом челе...» 153

Невеста Ивана Великого 171

Легенды Сухаревой башни 191

Сухарева башня 193

Сухарев и Брюс 195

Служанка Брюса 196

Брюс и купцы 197

Царь отправляет Брюса в Москву 200

Вечные часы 202

Генеральские пушки 203

Смерть Брюса 204

Памятник 205

Сухаревка 217

Трагедия Сухаревой башни 246

Черная книга, или Настоящая причина разрушения Сухаревой башни 262

«Восстановите Сухареву башню!» 274

Мещанская слобода 298

Проспект Мира. Нечетная сторона 321

Проспект Мира. Четная сторона 383

Крестовская застава 442

Пятницкое кладбище 466

Именной указатель 490

Список литературы 494

В. Б. Муравьев

ПОД СЕНЬЮ СУХАРЕВОЙ БАШНИ

Редакторы *Е. Р. Секачева, О. В. Сухарева*
Дизайн и компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректоры *Е. Ю. Жукова, Н. А. Натальина*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

По вопросам приобретения обращайтесь
в отдел продаж: e-mail: sales@kpole.ru
Тел.: (495) 256 04 56 доб. 1

Подписано в печать 18.06.2019.
Формат 165 х 200 мм. Усл. печ. л. 36,27.
Тираж 1500 экз.

ISBN 978-5-907171-01-5 12+